

ЖАНОРОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-2-56-69

М. С. Степанова¹*Сретенская духовная академия (Москва, Россия)*

НЕКОТОРЫЕ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО НАРРАТИВА В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Семья играет важнейшую роль в формировании отдельного человека и целой нации. Для лучшего понимания семейных ценностей русского народа видится важным обращение к опыту наших предков, запечатлённому в литературе Древней Руси. Настоящее исследование посвящено анализу семейного нарратива в Лицевом летописном своде Ивана Грозного, в частности его жанрово-стилистическим особенностям. Как представляется, их рассмотрение позволит внести вклад в понимание того, какое место занимала семья в сознании древнерусского книжника XVI века и какую ценность она имела. Ранее не предпринималось попыток проанализировать жанрово-стилистические характеристики семейного нарратива в Лицевом летописном своде.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, древнерусская литература, стилистика, поэтика, жанр, религия

M. S. Stepanova*Sretensky Theological Academy (Moscow, Russia)*

SOME GENERIC AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF FAMILY NARRATIVE IN THE ILLUSTRATED CHRONICLE OF IVAN THE TERRIBLE

The family plays a crucial role in the life of a person and of the whole nation. We believe that learning from experience of our previous generations, inscribed in the Old Russian literature, will be instrumental in defining family values of the Russian nation. The current article focuses on the family narrative in the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, namely on its generic and stylistic characteristics. Apparently, this will help better understand what place the family had in the mind of the medieval Russian chronicler and what value it had. No attempts have been made earlier to analyze the generic and stylistic characteristics of the family narrative in the Illustrated Chronicle.

Keywords: family, family values, Old Russian literature, stylistics, poetics, genres, religion

¹ Мария Сергеевна Степанова – магистр лингвистики, специалист по учебно-методической работе Сретенской духовной академии (Москва, Россия).

В настоящее время в нашей стране часто говорят о важности возвращения к традиционным семейным ценностям. Это неудивительно, ведь в минувшем столетии Россия столкнулась с беспрецедентными историческими вызовами, а семья – та основа общества, от которой зависит процветание народа. В этой связи видится целесообразным обращение к литературе Древней Руси, так как в ней нашли отражение традиционные представления и идеалы русского народа. В ряду жанров древнерусской литературы летопись занимает центральное место: летопись – не только документ, составленный с тем, чтобы «оставить потомству воспоминание о прошлом», но и книга, имеющая нравственную задачу – показать, как надо и не надо поступать [Ерёмин, 1987, с. 45].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении жанрово-стилистических особенностей семейного нарратива в Лицевом летописном своде Ивана Грозного. Он представляет собой крупнейшее летописно-хронографическое произведение Древней Руси [Клосс, 1980, с. 206], создававшееся по приказу великого князя и (с 1547 года) царя Ивана Грозного при Московском митрополите Макарии во второй половине XVI века. Анализ проведён на основании тех частей Лицевого свода, которые посвящены отечественной истории.

Лицевой свод – компилятивное произведение [Амосов, 1998, с. 308–309], составленное посредством скрупулёзного соединения и переработки нескольких предшествующих летописных произведений [Морозов, 2005, с. 135]. В XVI веке в древнерусской литературе зарождался такой новый жанр, как «историческая» литература, которой свойственен «биографизм, пронизанный аллегоричностью и художественной фантазией» [Морозов, 2005, с. 150]. Отличительной чертой Лицевого свода является аккуратное «комбинирование новых редакций житий, легенд, повестей, сказаний» [Там же, с. 140], имеющих самостоятельную литературную традицию, выход за рамки кратких летописных записей и обогащение произведения распространёнными сюжетами, в которых переплетаются достоверность и художественный вымысел. Это придаёт Лицевому своду дидактичность и назидательность [Там же, с. 150].

Анализ семейного нарратива в Лицевом своде позволяет выделить, среди прочих, такие жанры, как погодные записи, летописные повести и поучения. Как отмечал В. В. Кусков, в составе летописных сводов «принцип погодного изложения давал возможность включать <...> разнообразный материал», разнообразные жанры» [Кусков, 2003, с. 49].

Погодные записи – «древнейшая форма летописного повествования» [Ерёмин, 1987, с. 54]. Они начинаются обозначением года («В лето...») и продолжаются сообщениями о событиях, отделённых друг от друга оборотами типа «в то же лето» или «той же зимы» [Флоря, 2015, с. 48]. Погодные записи являются одним из наиболее распространённых жанров, в рамках которого в Лицевом своде раскрывается семейная тематика. Через них сообщается о таких жизненных вехах, как заключение брака, рождение (и крещение) детей, преставление князей и княгинь. Погодные записи хронологичны, они «регистрают» событие, их сфера – «единичные факты, интересные с точки зрения летописца и заслуживающие упоминания, но не требующие подробного изложения» [Ерёмин, 1987, с. 55]. Такие формы записи можно назвать «спокойно-фактографическими» [Дёмин, 2018, с. 137], они традиционны и церемониальны [Лихачёв, 1979, с. 89], в стилистическом отношении – «аморфны», «лишены художественной формы и эмоциональности» [Ерёмин, 1987, с. 55]. Например: «Князь же велики Юрьи жени сына своего Всеволода старейша Володимерною Рюриковичя, и венчан бысть в церкви святыя Богородица в Володимери, апреля в 14 день» [ЛЛС (Г.). Л. 268]. Для некоторых записей характерна информационная насыщенность и подробность. Если речь идёт о свадьбе, в записях может уточняться, на ком женился князь (за кого была выдана замуж девица), где происходило торжество, кто совершал венчание. Например: «В лето 6774 [1266 г.]. Женися князь велики Василей Меншой Ярославичь Костромской, внук Всеволожь, правнук Юрья Долгорукаго, и венчан бысть во церкви святого Феодора, Игнатием епископом Ростовским на Костроме» [ЛЛС (О-1). Л. 39 об.].

В Лицевом своде погодные записи могут отличаться выразительностью. Отношение к браку раскрывается через такой эксплицитный эмотив, как «радость» («радость велия», «радость много»). Например: «Того же лета женися князь Дмитрий Михайлович Тферский <...>, приведе за себя из Литвы дщерь Гедемина князя. И венчан бысть во церкви святого Спаса во Тфери епископом Варсунофием Тферским и бысть всем людем *радость* во Тфери» [ЛЛС (О-1). Л. 266 об.]. Эксплицитные средства выражения радости могут сопровождаться, дублироваться, имплицитными – «пир велик» или «торжество велие». Например: «Того же лета князь Андрей Ярославичь, <...> поя дщерь у Данила Романовичя <...> И бысть *торжество велие, и радость много*»² [ЛЛС (Л). 995 об. – 996]. В таком случае речь идёт о стилистиче-

² Здесь и далее курсив наш. – М.С.

ской симметрии, поскольку члены симметрии («торжество велие» и «радость много») говорят об одном и том же, но по-разному, помогая понять друг друга [Лихачёв, 1979а, с. 170].

Сообщая о свадьбах, летописец упоминает многочисленных гостей: родителей жениха и невесты (сватов), братьев, племянников, более дальних родственников, бояр. Такой повествовательный приём можно обозначить как мотив единения. Он указывает на то, что свадьба осмысливается как особенно важное и значимое событие. Не только жених и невеста становятся одной семьёй, *одной плотью* (Быт. 2, 24), как говорится в чине венчания, соединяются и их семьи, становясь одним большим родом. В этом контексте внимания заслуживает запись о том, как великий князь Глеб Василькович Ростовский женил своего сына Михаила. На брачном пире присутствовали: «Ту сущу и самому князю Глебу Васильковичю Ростовскому з братаничем его <...> и князь Давыд Костянтинович Галичский и Дмитровский <...> и множество бояр. И *съезд велий* отвсюду» [ЛЛС (О-І). Л. 100 об.–101 об.]. Составитель свода акцентирует внимание: «И бысть *радость велия* в Ярославле, месяца июля в 15 день, на память святых мученик Кирика и матери его Улиты». Можно привести и другой пример – запись о том, как великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич женил сына Константина [ЛЛС (Л). Л. 447 об. – Л. 448 об.]: «...ту сущу и самому великому князю Всеволоду Юрьевичю, и с княгинею своею, и з детми и Рязанскому великому князю Роману Глебовичю, и с ним братиа его князь Всеволод Глебович и князь Владимиръ Глебович с сыном своим Глебом, и князь Муромский Володимер, и Давыд, и Юрьи с мужи своими». И здесь же летописец подчёркивает: «...и бысть *радость* и *любовь* во граде Володимери».

Эмоциями радости проникнуты погодные записи о рождении детей. Например, запись о рождении сына у князя Василия Михайловича: «...князь Василей Михайловичъ поехав в свою отчину в Кашин. И родися ему сын у княгини его Настасии, и приеха к нему в Кашин мати его великая княгини Овдотья Михайлова. А из Сергиева монастыря приеха к нему преподобный игумен Никон» [ЛЛС (О-ІІ). Л. 626–627]. Далее летописец сообщает: «...и бысть ему [то есть князю Василию Михайловичу] *радость* о приезде матери своей, о рождении сына своего, и о преподобнем Никоне игумене». Здесь перечисление «радостных событий», словно их нанизывание, как представляется, играет роль усиления – радость от рождения сына буквально переполнила князя.

Отличительная черта погодных записей о рождении детей – с ними нередко соседствуют записи о кончине князей (или княгинь). В основу указан-

ного композиционного построения положена антитеза – оппозиция жизнь / смерть, являющаяся одной из ключевых для древнерусского книжника. В качестве примера можно привести запись о смерти князя Андрея Ивановича: «Того же лета преставися князь Андрей Иванович, внук Данилов, правнук Александров, праправнук Ярославль, препраправнук Всеволожь...» [ЛЛС (О-І). Л. 474]. За ней сразу же следует запись: «Того же лета преставльшемуся князю Андрею Ивановичю родися сын Володимер, на сорочины отца своего, князя Андрея Ивановичя» [ЛЛС (О-І). Л. 474 об.]. В приведённом примере символичным видится то, что младенец рождается на сороковой день после смерти отца. Согласно преданию православной Церкви, сорок дней после смерти – период, в течение которого определяется посмертная участь души человека [Макарий Александрийский, 1831, с. 123–131]. В течение первых трёх дней она пребывает на земле, в третий день – возносится на небеса, в девятый – относится во ад, а «в сороковой день душа в третий раз возносится на поклонение Богу и решается её участь – по земным делам ей назначается место пребывания до Страшного суда» [Дергачёва, 2021, с. 112]. Безусловно, живым не дано знать, какой будет посмертная участь усопших. Указание на то, что сын рождается на сороковой, самый важный, день после преставления родителя, как видится, символизирует надежду на то, что князь Андрей Иванович обрёл спасение и вечное блаженство. В тот день, когда, по преданию, должна определиться посмертная участь князя Андрея Ивановича, семья получила великое утешение – рождение его сына. С другой стороны, смерть отца и рождение сына служат указанием на то, что каждый из них (и отец, и сын) составляет «лишь одно из звеньев непрерывной и уходящей в будущее цепи – жизни рода» [Конявская, 2016, с. 26]. Такой способ изложения свидетельствует о том, что смерть воспринимается не как трагедия, а как естественный процесс.

Летописная повесть – ещё один жанр, через который в Лицевом своде раскрывается тематика семьи. Как отмечает И. П. Ерёмин, летописная повесть посвящена рассказу о смерти того или иного человека, это «своеобразный некролог», поэтому она часто выдержана в рамках агиографического стиля [Ерёмин, 1987, с. 62]. В Лицевом своде название жанра повести нередко вынесено в заглавие в рамках той или иной погодной записи. Это обусловлено особенностями художественного метода древнерусской литературы [Лихачёв, 1963, с. 62]. Например: «Повесть о Алексии, митрополите всяя Руси» (относится к записи за 6886 г./1378 г.), «Повесть о преподобнем Сергии» (в статье за 6900 г./1392 г.), «Повесть древняя списана о житии великаго князя Михаила Александровича Тверскаго, внука Михайлова» (в составе записи за 6907 г./1399 г.).

Рассмотренные примеры заголовков можно назвать традиционными и консервативными [Шелемова, 2014, с. 95]: они служат информативной цели [Крутова, 2019, с. 9], «подготавливают читателя к определённом восприятию произведения в рамках знакомой ему традиции» [Лихачёв, 1963, с. 62]. В древнерусской литературе названия жанров различаются между собой далеко не точно [Лихачёв, 1979а, с. 57], в частности в последнем примере жанровая принадлежность определена двояко – «Повесть <...> о житии <...>».

В трёх указанных примерах можно проследить черты агиографического, житийного, стиля. А. В. Каравашкин вводит понятие литературного обычая: он подчёркивает, что для древнерусской книжной традиции характерно использование общих моделей и готовых формул для изображения сходных ситуаций. Такие готовые формулы и модели исследователь именуется «типичными конструкциями». «В непринужденном обращении с богатством письменной культуры» заключалось мастерство автора [Каравашкин, 2018, с. 36–37]. Повести о преподобном Сергии и митрополите Алексии начинаются описанием раннего благочестия святого и его родителей, что является устойчивой литературной формулой, характерной для житийного жанра [Творогов, 1964, с. 30]. Отмечается, что преподобный Сергий с детства обращался к Богу с молитвой: «Избави мя, Господи, от всякия нечистоты и от всякия скверны плотския и душевныя, и твори святыню во страхе Твоем сподоби мя» [ЛЛС (О-II). Л. 379 об.]. Митрополит Алексей «родися от славных бояр черниговских» [ЛЛС (О-I). Л. 728], «еще детищ сый, изучися грамоте всей и во благочинне возрасте пребываше» [ЛЛС (О-I). Л. 730]. Когда юноше исполнилось двенадцать лет, Бог чудесным образом явил Свою волю о нём: когда будущий святитель расставил силки для ловли птиц и задремал, «бысть ему глас, глагола: “Алексие, что всеу тружаешия? Се отселе будеши человеки лова”». В приведённом примере голос, который слышит будущий святитель, является типичным мотивом (топосом), характерным для византийской агиографии: он предопределяет принятие Алексием монашеского чина, священнического и епископского сана, является «своеобразным знаком воли Божьей» [Каравашкин, 2018, с. 45]. В описанном фрагменте святой слышит чудесный голос на фоне природы, которая словно является «иллюстрацией к чистой в духовно-нравственном отношении жизни подвижника» [Рыженков, 2022, с. 22]. В Повести о Михаиле Тверском князь описывается при помощи эпитетов, имеющих положительную нравственную коннотацию: «благородный», «христоробивый», «боголюбивый», «человеколюбивый». Добродетельность и высота нравственной жизни Михаила Тверского подчёркиваются через такие устойчивые литературные формулы

[Творогов, 1964, с. 31–32], как: «...сей князь всегда имя Божие в устех имяше и славу Богу всылаше, святители почиташе, иереи и иноцы любляше и чтяше, церкви созидаше и украшаше и удоволяше всем, печалныя утешаше...» [ЛЛС (О-II). Л. 625]; «...духовныя беседы любляше, сквернословия и срамословия ненавидяше, божественная писания прочитааше и сими наслажаашеся...» [ЛЛС (О-II). Л. 500].

Рассматриваемые летописные повести имеют общую черту – участие отца и матери в жизни детей. В Летописном своде влияние родителей имеет две формы выражения.

Во-первых, в Повести о преподобном Сергии рассказывается, что его отец, «раб Божий Кирил», из-за бедствий, обрушившихся на Ростов, был вынужден переехать в Радонеж «со всем родом своим». В Повести о митрополите Алексии говорится, что его родителям по причине «варварского пленения» града Чернигова пришлось переселиться в Москву: «...того ради отец его Феодор и мати его Мариа отыдоша от отечества своего от града Чернигова и приидоша в преименитый град Москву, и ту пребывающе, родиста сего блаженнаго» [ЛЛС (О-I). Л. 728]. В Повести о Михаиле Александровиче Тверском уточняется, что он родился не на родине отца, в Твери, а во Пскове. Отец его «не могущу во своей отчине во Твери жити», опасаясь насилия и притеснения от татар. Князь Александр Михайлович с семьёй «отыде во Псков, и тамо родися ему сын князь Михайло» [ЛЛС (О-II). Л. 620 об.].

Описанная идея, повторяющаяся в трёх повестях, рассматривается как мотив перемещения, переезда, родителей. С одной стороны, он может символизировать участие промысла Божьего в жизни человека, с другой стороны, – деятельное участие родителей в судьбе детей, так как решения отца и матери (в частности, переезды с одного места на другое), безусловно, в той или иной степени определяют жизнь ребёнка.

Во-вторых, аллегорическими средствами, через которые раскрывается важное значение родителей, служат устойчивые литературные формулы, подчёркивающие происхождение от благочестивых родителей. К таким формулам можно отнести: «отрок же предобрый, предобраго родителя сын»; «от родителей добродородных и благоверных произыде». Это хорошо видно в Повести о преподобном Сергии. Прибегая к метафорам «корень», «отрасль», «сад» и «плод», летописец поясняет, что Сергей «...добра бо корени добра и отрасль прорасте, добру кореню первообразуему печать всячески изообразуая» [ЛЛС(О-II). Л. 383]; «из младых бо ногтей якоже сад благородный показася

и яко плод благоплодный процвете» [ЛЛС (О-П). Л. 383]. Для указанных примеров характерен стиль «плетения словес», эмфатические повторы однокоренных слов («предобрый», «предобраго», «доброродных», «добра», «добрру», «первообразуему», «изообразуя»). Как отмечает Д. С. Лихачёв, «повторяются и сочетаются не случайные слова, а слова “ключевые”, <...> основные по смыслу» [Лихачёв, 1979а, с. 118].

Приведённые выше метафоры входят в метафорическую модель дерева, символизирующую род и связь поколений: корни – предки, ствол – молодое поколение, ветви и листья – потомки. Деревья относятся к «категории так называемых символов плодородия» [Агапкина, 2019, с. 24]. Метафора дерева существует у многих народов мира, в частности, в фольклоре древних славян. Особое значение и распространение этот образ приобрёл в библейском контексте. Можно вспомнить слова Иисуса Христа: *«Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их»* (Мф. 7, 19); *«Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый»* (Лк. 6, 43); а также притчу о сеятеле: *«...иное [семя] упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный»* (Лк. 8, 8).

Характерные для житийного жанра формулы можно назвать суггестивными, воздействующими. С их помощью выражается мысль, что именно родители с первых минут жизни дали своим детям благочестивое направление [Шиманский, 1997, с. 240]. Во многом благодаря отцу и матери прославленные и почитаемые люди достигли своей высоты. Ибо *если «начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви»* (Рим. 11, 16).

В рассматриваемых примерах семья включает не только родителей и детей, но также дедушек и бабушек, различных родственников – целый род, «дом», объединяющий несколько поколений. В рассказе об отце преподобного Сергия Кирилле говорится и о его родителях. Он происходит от «славных» бояр: *«Се убо прежереченный раб Божий Кирил прежде имеяше житие велико в Ростовстей области, боярин сый, един от славных и нарочитых бояр...»* [ЛЛС (О-П). Л. 379]. Кирилл переселился в Радонеж *«со всем домом своим и со всем родом своим»*, *«И ту живяше с родом своим»* [ЛЛС (О-П). Л. 381 об.].

Жанр поучения можно выделить в составе Повести о Михаиле Тверском. Его автор – сам князь Михаил Тверской, произносит он его в старости, когда прощается со всеми, готовясь оставить мир и принять монашеские обеты. Поучение начинается словами: *«Последи же целова детей своих и бояр*

и слуг и всех сущих своих, *учяше дети своя, глаголя...*» [ЛЛС (О-П). Л. 508]. У поучения есть конкретные адресаты – это дети князя, к ним он обращается со словами: «Чада моя!». Поучения родителей детям – «один из весьма распространённых жанров средневековой литературы» [Бугославский, Комарович, 1941, с. 290], к ним прибегали для нравственного воспитания молодых поколений, ибо «родительский авторитет, с точки зрения средневекового мирозерцания, был ведь всесилен» [Бугославский, Комарович, 1941, с. 290]. Наставление князя детям носит нравоучительный характер: Михаил Александрович заповедует сыновьям держаться христианских идеалов любви, милосердия, целомудрия: «Имейте обычая блага боголюбие и милостыню стяжати, правду любити, целомудрие и братолюбие честно дръжати» [ЛЛС (О-П). Л. 508 об.]. Через эти добродетели «лежит путь к духовному совершенству» [Дергачёва, 2024, с. 136]. Далее уже летописец пересказывает наставление князя детям: «И заповеда им брату брата любити и честити, а не обидети, а старейшаго брата им всем слушати». Составитель свода влагает в уста Михаила Тверского «ряд наставлений, предусматривающих желанную <...> упорядоченность междукняжеских отношений» [Бугославский, Комарович, 1941, с. 290], – согласие, любовь и взаимное уважение между братьями. Это, как представляется, обусловлено желанием сохранить единство Русской земли, чтобы мирно существовали старшие и младшие [Лихачёв, 1979b, с. 146].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В Лицевом летописном своде семейная тематика представлена в форме семейной хроники, летописец фиксирует жизненные вехи человека и его семьи. Наибольшее внимание уделяется отношениям родителей и детей. Важность родительского воспитания и примера проходит через Лицевой свод красной нитью.

Семейная тематика в Лицевом своде раскрывается посредством таких жанров, как погодные записи, летописные повести, поучения. Погодная запись является одним из наиболее распространённых жанров, через который освещается семейная хроника. Погодные записи регистрируют такие события жизненного цикла, как свадьба, рождение детей, смерть князей (княгинь). Записи имеют протокольный и фактографический характер, лишены эмоциональности, их задача – сообщить о событии, которое летописец счёл важным упомянуть.

Нередко погодным записям присуща экспрессия. Выразительным средством, через которое раскрывается отношение к заключению брака и рождению детей, служат эмотивы «радость», «торжество», «пир», представляющие в рассмотренных примерах такое явление, как стилистическая симметрия.

Семья в Лицевом своде понимается не только как социальная группа, включающая родителей и детей. Семья – это единый род: муж, жена, их дети, родители, деды и бабки, братья и сестры, племянники. В контексте погодных записей о свадьбах составители Лицевого свода перечисляют гостей, которые собрались на брачный пир. Такой приём понимается как мотив единения: в браке соединяются не только мужчина и женщина, становясь мужем и женой, но и представители двух разных семей, многочисленные родственники, становясь одним родом. Мысль о том, что семья есть большой род, также выражается в Повести о преподобном Сергии: его отец переехал в Радонеж со всем своим «домом», там жил со всем «родом своим».

Влияние родителей на судьбу детей раскрывается в жанрах летописной повести и поучения. В рассмотренных повестях о преподобном Сергии Радонежском, святителе Алексии Московском и благоверном князе Михаиле Тверском влияние отца и матери на судьбу детей имеет две формы выражения. Во-первых, в каждой из указанных повестей говорится о том, что их родители оказались вынуждены оставить отчину и переехать на другое место: из Ростова в Радонеж, из Чернигова в Москву, из Твери во Псков. Эта повторяющаяся идея определяется в статье как мотив переезда, перемещения, родителей с одного места на другое, символизирующий их деятельное участие в жизни детей. Решения отца и матери в той или иной степени влияют на жизнь ребёнка. Во-вторых, заслуга родителей в воспитании детей объективируется посредством устойчивых литературных формул, обозначающих происхождение святых от благочестивых родителей. Яркий пример – метафорическая модель дерева, используемая в Повести о преподобном Сергии: он – добрая «отрасль» «добраго корени». Обозначенная метафора является устоявшимся символом плодородия, она существует у многих народов и издавна известна славянам. Употребление метафорической модели дерева в контексте семейного нарратива свидетельствует о том, что в сознании древнерусского книжника воспитание ребёнка и достижение им духовно-нравственной высоты напрямую коррелируют с добродетельностью родителей, так как каково дерево, таков и его плод.

Жанр поучения – ещё одна форма, через которую выражается значимость участия родителей в жизни детей, родительский авторитет считается непререкаемым. В Лицевом своде к детям с родительским наставлением, в частности, обращается князь Михаил Тверской перед смертью. Князь заповедует чадам держаться христианских идеалов любви, милосердия и взаимного уважения, потому что через них лежит путь к совершенству. Составитель свода устами князя призывает его сыновей жить в мире и единстве. Это отражает духовно-ценностные ориентиры древнерусского книжника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Агапкина, Т. А.** Деревья в славянской народной традиции: очерки / Т. А. Агапкина. – Москва: Индрик, 2019 – 656 с.
2. **Амосов, А. А.** Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование / А. А. Амосов. – Москва: «Эдиториал УРСС», 1998. – 387 с.
3. **Бугославский, С. А.** Поучение Владимира Мономаха / С. А. Бугославский, В. Л. Комарович // История русской литературы: в 10 т. Т. 1. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 289–297.
4. **Дёмин, А. С.** Некоторые факторы выразительного повествования в древнерусских произведениях / А. С. Дёмин // Вестник славянских культур. – 2018. – № 47. – С. 135–158.
5. **Дергачёва, И. В.** Духовное спасение в миру («Поучение Владимира Мономаха») / И. В. Дергачёва // Духовные сокровища Древней Руси. – Санкт-Петербург: Алетей, 2024. – С. 136–140.
6. **Дергачёва, И. В.** Тематика посмертного спасения и наказания в древнерусских произведениях танатологической направленности / И. В. Дергачёва // Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. / В. А. Воропаев, И. В. Дергачёва, Е. Л. Конявская, В. В. Мильков. – Москва: Индрик, 2021. – С. 109–162.
7. **Ерёмин, И. П.** Лекции и статьи по древней русской литературе / И. П. Ерёмин. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987. – 326 с.
8. **Каравашкин, А. В.** Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.) / А. В. Каравашкин. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 720 с.
9. **Клосс, Б. М.** Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков / Б. М. Клосс. – Москва: Наука, 1980. – 312 с.
10. **Конявская, Е. Л.** Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков / Е. Л. Конявская // Язык и текст. – 2016. – Т. 3. – № 2. – С. 23–30.
11. **Крутова, М. С.** Выражение идеалов русских книжников в названиях рукописных книг XI–XIX вв. / М. С. Крутова // Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: К 90-летию профессор Веры Николаевны Аношкиной. – Москва: Московский государственный областной университет, 2019. – С. 8–31.
12. **Кусков, В. В.** История древнерусской литературы / В. В. Кусков. – Москва: Высшая школа, 2003. – 336 с.

13. **Лихачёв, Д. С.** Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. – Москва: Наука, 1979. – 352 с.
14. **Лихачёв, Д. С.** Система литературных жанров Древней Руси / Д. С. Лихачёв // Славянские литературы. Доклады советской делегации. V международный съезд славистов. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 47–70.
15. **Лихачёв, Д. С.** Сочинения князя Владимира Мономаха / Д. С. Лихачёв // Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – Москва: Современник, 1979. – С. 46–162.
16. **Лицевой летописный свод (ЛЛС).** – Москва: Актеон, 2012–2014.
17. **Макарий Александрийский, прп.** О исходе душ праведников и грешников, то есть, каким образом они разлучаются с телом, и в каком состоянии пребывают / преподобный Макарий Александрийский // Христианское чтение. – 1831. – Ч. 43. – С. 123–131. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Aleksandrijskij/o-ishode-dush-pravednikov-i-greshnikov-to-est-kakim-obrazom-oni-razluchayutsja-s-telom-i-v-kakom-sostojanii-prebyvayut/#source (20.01.2025).
18. **Морозов, В. В.** Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В. В. Морозов. – Москва: Индрик, 2005. – 285 с.
19. **Рыженков, А. Н., свящ.** Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты (по материалам русской агиографии XVII века): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата богословия / Рыженков Алексей Николаевич. – Москва, 2022. – 32 с.
20. **Творогов, О. В.** Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 20. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – С. 29–40.
21. **Флоря, Б. Н.** Летописание / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – Т. 40. – Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия, 2015. – С. 628–644.
22. **Шелемова, А. О.** Заглавия и зачины в древнерусских памятниках Киевского периода / А. О. Шелемова // Вестник Московского университета. – Серия 9. – Филология. – 2014. – № 2. – С. 94–100.
23. **Шиманский, Г. И.** Христианская добродетель целомудрия и чистоты / Г. И. Шиманский. – Москва: Даниловский благовестник, 1997. – 470 с.

REFERENCES

1. **Agapkina, T. A.** Derev'ya v slavyanskoj narodnoj tradicii: Oчерki / T. A. Agapkina. – Moscow: Indrik, 2019 – 656 с.

2. **Amosov, A. A.** Licevoĭ letopisnyĭ svod Ivana Groznogo. Kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie / A. A. Amosov. – Moskva: Editorial URSS, 1998. – 387 s.
3. **Bugoslavskij, S. A.** Pouchenie Vladimira Monomaha / S. A. Boguslavskij, V. L. Komarovich // Istorija russkoj literatury: v 10 t. T. I. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941. – S. 289–297.
4. **Demin, A. S.** Nekotorye faktory vyrazitel'nogo povestvovaniya v drevnerusskikh proizvedeniyah / A. S. Demin // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2018. – T. 47. – S. 135–158.
5. **Dergacheva, I. V.** Duhovnoe spasenie v miru («Pouchenie Vladimira Monomaha») / I. V. Dergacheva // Duhovnye sokrovischa Drevnej Rusi / I. V. Dergacheva. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2024. – S. 136–140.
6. **Dergacheva, I. V.** Tematika posmertnogo spaseniya i nakazaniya v drevnerusskikh proizvedeniyah tanatologicheskoy napravlenosti / I. V. Dergacheva // Voropaev V. A., Dergacheva I. V., Konyavskaya E. L., Mil'kov V. V. Tanatologicheskaya tema v russkoj slovesnosti XI–XXI vv. – Moskva: Indrik, 2021. – S. 109–162.
7. **Eryomin, I. P.** Lekcii i stat'i po drevnej russkoj literature / I. P. Eryomin. – Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1987. – 326 s.
8. **Florya, B. N.** Letopisanie / B. N. Florya // Pravoslavnaya enciklopediya. T. 40. – Moskva: CNC «Pravoslavnaya enciklopediya, 2015. – S. 628–644.
9. **Karavashkin, A. V.** Literaturnyj obyčaj Drevnej Rusi (XI–XVII vv.) / A. V. Karavashkin. – Moskva; Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. – 720 s.
10. **Kloss, B. M.** Nikonovskij svod i russkie letopisi XVI – XVII vekov / B. M. Kloss. – Moskva: Nauka, 1980. – 312 s.
11. **Konyavskaya, E. L.** Tema konca zhizni v dogovornyh gramotah russkikh knyazej XIV – XV vekov / E. L. Konyavskaya // Yazyk i tekst. – 2016. – T. 3. – № 2. – S. 2330. – URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2016_n2/Konyavskaya?ysclid=m6h2bg6b4296742811 (20.01.2025).
12. **Krutova, M. S.** Vyrazhenie idealov russkikh knizhnikov v nazvaniyah rukopisnyh knig XIXIX vv. / M. S. Krutova // Cennostnye osnovy nacional'noj kartiny mira v russkoj literature: K 90-letiyu professora Very Nikolaevny Anoshkinoy. – Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2019. – S. 8–31.
13. **Kuskov, V. V.** Istorija drevnerusskoj literatury / V. V. Kuskov. – Moskva: Vysshaya shkola, 2003. – 336 s.
14. **Lihachev, D. S.** Poetika drevnerusskoj literatury / D. S. Lihachev. – Moskva: Nauka, 1979. – 352 s.

15. **Lihachev, D. S.** Sistema literaturnyh zhanrov Drevnej Rusi / D. S. Lihachev // Slavyanskije literatury. Doklady sovetsoj delegacii. V mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. – Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. – S. 47–70.

16. **Lihachev, D. S.** Sochineniya knyazya Vladimira Monomaha / D. S. Lihachev // Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevnej Rusi / D. S. Lihachev. – Moskva: Sovremennik, 1979. – S. 46–162.

17. **Licevoj letopisnyj svod (LLS).** – Moskva: Akteon, 2012–2014.

18. **Makarij Aleksandrijskij**, prp. O iskhode dush pravednikov i greshnikov, to est', kakim obrazom oni razluchayutsya s telom, i v kakom sostojanii prebyvayut / Aleksandrijskij Makarij // Hristianskoe chtenie. – 1831. – Ch. 43. – S. 123–131. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Aleksandrijskij/o-ishode-dush-pravednikov-i-greshnikov-to-est-kakim-obrazom-oni-razluchayutsja-s-telom-i-v-kakom-sostojanii-prebyvayut/#source (20.01.2025).

19. **Morozov, V. V.** Licevoj svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka / V. V. Morozov. – Moskva: Indrik, 2005. – 285 s.

20. **Ryzhenkov, A. N.**, svyashch. Chudo: istoricheskij, literaturnyj i bogoslovskij aspekty (po materialam russoj agiografii XVII veka): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata bogosloviya / Ryzhenkov Aleksej Nikolaevich. – Moskva, 2022. – 32 s.

21. **Shelemova, A. O.** Zaglaviya i zachiny v drevnerusskikh pamyatnikah Kievskogo perioda / A. O. Shelemova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2014. – № 2. – S. 94–100.

22. **Shimanskij, G. I.** Hristianskaya dobrodetel' celomudriya i chistoty / G. I. Shimanskij. – Moskva: Danilovskij blagovestnik, 1997. – 470 s.

23. **Tvorogov, O. V.** Zadachi izucheniya ustojchivyh literaturnyh formul Drevnej Rusi / O. V. Tvorogov // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. – 1964. – Moskva; Leningrad: Nauka, 1964. – T. 20. – S. 29–40.